

ГЛАВА 1

Сказка о двух правдах

Прошлое и настоящее

Нам трудно понять, каким потрясающим новшеством стала афинская демократия в своё время. В смене естественного принципа родства на искусственно сотворённый и более комплексный принцип социального сотрудничества как основы всех отношений в обществе древние греки выразили квинтэссенцию гуманизма. Демократия также заменила первобытное доминирование меньшинства над большинством и гегемонию, передававшуюся по наследству, на противоположное: власть большинства, временную и регулируемую, когда лидер обязательно отвечал за свои поступки перед обществом.

Демократия в Афинах отличалась от современной демократической политики. Там не было политических партий, поэтому люди не придерживались определённой идеологии, как это принято в наши дни. А значит, афинская политика могла быть непредсказуемой. Политические решения, такие как основать колонию, изгнать гражданина, построить стену, отправить войска на защиту союзника и т. д., часто зависели от убедительности какой-либо речи или аргумента.

В афинской демократии V в. до н. э., как ни странно, не существовало элитарного государственного деятеля-демагога, который мог бы безоговорочно навязать свою волю или программу массам. Вместо этого любой гражданин, независимо от того, насколько высокопоставленным и высокогородным он был (или, наоборот, он мог быть нищим про-

столюдином), должен был убедить своих сограждан в том, что его план действий превосходит те, которые предлагали его соперники. На каждом выступлении симпатию жителей нужно было завоевывать заново. В отличие от современных политических партий, которые занимают несколько предсказуемые или предписанные позиции по конкретным вопросам, в афинской демократии всё решалось более или менее индивидуально. Исход решения зависел от того, какие аргументы люди приводили в тот момент и насколько убедительными могли быть. Отдельному государственному деятелю было бы практически невозможно получить от сограждан полное, всеобщее и окончательное согласие по всем вопросам и всем направлениям действий. Ему пришлось бы завоевывать новую поддержку с каждой новой инициативой, как бы начиная каждый раз с нуля.

Каким бы притянутым за уши это ни казалось, в большинстве случаев ситуация была такова. Люди произносили глубокомысленные речи, взвешивали все «за» и «против», отвечали на аргументы своих противников, защищались от нападок и приводили доводы в пользу своего плана действий. Когда наступала очередь согражданина говорить, остальные слушали. Слушали внимательно, ведь другой оратор вполне мог привести более весомые аргументы, которые заставили бы слушателей скорректировать свою точку зрения. Могло оказаться, что у другого человека есть более аргументированный подход к проблеме, а значит, более разумный план действий.

На практике это означало, что в V в. в Афинах речь была хозяйкой положения, как и должно было быть, поскольку в демократических Афинах устная коммуникация вытеснила значимость родства. Основная идея заключалась в том, что каждый член общества, имеющий право голоса, мог внести полезный вклад в дебаты, способствуя выработке коллективной общественной мудрости и ответственности. Следо-

вательно, человек мог стать политиком, даже популярным, не благодаря праву крови или рождения, а просто будучи хорошим оратором. Не обладая особым социальным статусом или положением, не занимая никаких политических постов и не имея военных достижений, человек мог выступить на собрании и убедить *demos* (то есть народ или граждан), что его аргументы обоснованны, что его слова правдивы и что его предложение — это лучший вариант действий. Конечно, система не была безупречна. Женщины не имели права голоса, общество было рабовладельческим, а гражданство имело очень малое количество людей. Тем не менее это была базовая система, руководствуясь которой демократические Афины принимали свои решения, и так на протяжении нескольких поколений город наслаждался безопасностью, богатством и, самое главное, свободой. По большей части система работала.

Но к концу V в., во время войны со Спартой, этот процесс претерпел значительные изменения. Афины стали принимать одно катастрофическое решение за другим в том числе и потому, что афинянам стало трудно отличать правду от лжи. Вся мудрость древних была поставлена под сомнение, и жители не могли понять, как выбрать действительно верное политическое решение. Робин Уотерфилд описывает политическую суматоху этих лет как эпидемию непостоянства и неуверенности:

В течение одного-двух дней в 433 г. до н. э. афиняне сначала проголосовали за то, чтобы не вмешиваться в дела Кóрфу, а потом решили оказать помощь острову, который, как все догадывались, станет причиной Пелопоннесской войны. В 430 г. они сместили полководца Перикла, но в следующем году восстановили его в должности. В течение двадцати четырёх часов в 428 г. они изменили свое мнение о том, какому наказанию подвергнуть город Митилини. В 415 г. они от всей души поддержали сицилийскую кампанию, но после её провала отреклись от ответственности¹.

Затем, всего через 200 лет после своего возникновения, афинская демократия рухнула.

Ослабленный многолетними войнами, болезнями и перебоями в продовольствии, город стал грустной пародией на себя к концу V в. до н. э. Ещё до того, как их военная удача пошла на спад, Афины потеряли не менее четверти населения из-за чумы. Под конец войны спартанцы лишили Афины доступа к запасам зерна, что привело к голодной смерти большого числа горожан. Древнегреческий историк Ксенофонт так описывал этот конец: «Афиняне, осаждаемые с суши и с моря, оказались в безвыходном положении: у них не было ни флота, ни союзников, ни провианта. Они страшались того, что им придётся, по-видимому, пережить все те ужасы, которым они прежде подвергали другие народы»². С каждым днём всё больше и больше людей умирало от голода. И вот в 404 г. до н. э. они капитулировали. Когда Афины окончательно пали, Спарта захватила флот города и разрушила длинные стены, которые укрепляли его и обеспечивали выход к морю — его торговой артерии.

Серьёзнее всего пострадала политическая сфера: афинская демократия была уничтожена, и Спарта отдала власть в руки Тридцати тиранов, отобранных из числа богатой афинской знати. Они правили огнём и мечом: в ярости приговаривая к казни без суда и следствия всех, кого считали врагами. Первым делом тираны арестовали и казнили тех членов общества, которые, по их мнению, противостояли им во времена демократии, впоследствии конфисковав их имущество. По одной из оценок, тираны казнили 5 % всего населения Афин менее чем за восемь месяцев. Казнь в Афинах была жутким делом. Если вы не могли позволить себе оплатить дозу ядовитой цикуты, вас привязывали к деревянной доске, надевали кандалы на шею, запястья и лодыжки и оставляли под открытым солнцем умирать медленной мучительной смертью.

Это был безжалостный и жестокий режим, резко контрастировавший со свободой, которая была характерна для афинской демократии. Граждане, которые когда-то стояли у рулевого весла демократии, были лишены своих прав и имущества. Там, где раньше они имели полное право участвовать в собраниях, присутствовать, выступать, обсуждать и голосовать по разным государственным решениям (о подписании договора, вступлении в войну, начале новой кампании, установлении дипломатических отношений или жаловании гражданина наградами и почестями), теперь они должны были бояться за свою жизнь, жизнь семьи и имущество. Тридцать тиранов «вошли в историю Европы как первые, кто заставил сограждан жить в страхе перед утренними облавами»³. Если вы были бедны, то, скорее всего, умирали на улицах от голода, не имея возможности пожаловаться на несправедливость, которую вы терпели от рук тиранов, поскольку одним из их первых шагов было упразднение народных судов, где старались обеспечивать демократические права даже для самых бедных граждан.

Как такое случилось? Что развалило первую демократию западноевропейской культуры всего через 200 лет после её рождения? И почему?

Ответ, конечно, неоднозначен. Империи растут и рушатся, и чем больше империя, тем сложнее её сохранять. Олигархи на столь плодородной почве умножают богатства и власть, не особо заботясь, приведут ли их действия к гибели демократии. Это понятно даже тому, кто лишь поверхностно знаком с историей, не говоря уже о тех, кто ежедневно просматривает ленту новостей. Падению Афин же предшествовали нестандартные обстоятельства: на протяжении нескольких лет до краха демократии правда не торжествовала.

В преддверии войны со Спартой произошёл масштабный скачок в развитии: в Греции появилась письменность, ко-

торая навсегда изменила значение понятия «правда», создав серьёзные политические проблемы. Рост грамотности был афинской версией революционного изобретения Гутенберга* или интернета. Письменность безвозвратно расширила возможности применения языка, что затруднило отделение факта от вымысла, правды от лжи, потому что поставила сложный вопрос о том, что вообще значит «правда». То есть письменность изменила отношения между языком и пониманием правды, и теперь афиняне не могли даже сформулировать правдивое высказывание. Раньше безусловность этого термина была просто ощутима и понятна.

Этот вопрос остаётся актуальным и для нас. Что есть *правда*?

ЧТО ЕСТЬ ПРАВДА?

Многим этот вопрос кажется абсурдным. Разве существует человек, который не знает, что такое правда?

Послушайте.

Мы склонны считать правду настолько безусловной, определённой, абсолютной, что не думаем, будто она может меняться или эволюционировать, как, скажем, меняются стандарты красоты, правила этикета, модные тенденции или способы ухаживания за понравившимся человеком. Но, пожалуй, один из самых интересных аспектов правды — это насколько сильно менялась её суть с течением времени⁴. Те, кто изучает риторику, не могут не заметить

* Иоганн Гутенбёрг — немецкий первопечатник, который в 1440-х гг. создал инновационный способ книгопечатания: страница текста отпечатывалась не с цельной вырезанной деревянной доски, а с набора, составленного из отдельных разборных элементов литер, чтобы, отпечатав страницу и рассыпав набор, отпечатать страницу с другим текстом из тех же самых литер.

этого явления. Сегодня правда разговаривает намёками, как когда-то викторианская девушка платками*, хотя раньше она, подобно прогрессивным барышням, была напористой и высказывалась прямо.

Эту разницу можно заметить на конкретных примерах. Как правило, сегодня правда — это понятие, существующее в рамках языка. То есть мы используем язык, говоря либо то, что соответствует действительности, либо то, что не соответствует ей. Когда я говорю: «Мой кофе остывает», — я использую язык для описания чашки кофе, стоящей на моем столе; утверждение является правдой, если кофе остывает, и ложно, если нет. Таким образом, категории правдивости и ложности отражают аспект использования языка для описания мира в данных категориях. В итоге для нас:

- * Правда существует только в языке.
- * Язык существует для описания мира.
- * Значит, правда есть правдивое описание мира.

Так было не всегда. На самом деле современное представление о правде не было таковым для обычного человека, жившего в Древней Греции до V в. до н. э.

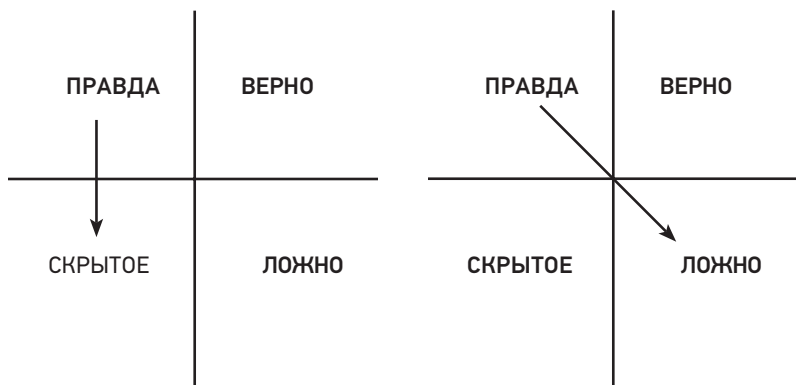
Хотя правда для древних греков также жила в речи и языке, устный язык до появления письменности не функционировал как средство *отображения* мира. Скорее он *открывал* определённые аспекты этого мира для восприятия человека или *скрывал* их от него. Если я рассказываю вам о своём

* В период правления английской королевы Виктории, длившийся с 1837 по 1901 г., существовало тонкое искусство флирта: например, чтобы сказать «я люблю тебя», нужно было провести по щеке носовым платком, покрутив носовой платок в левой руке, можно было подать избраннику сигнал уйти, а уронив платок, показать своё дружеское расположение.

кофе, я обращаю на него ваше внимание. Вероятно, вы вообще не заметили бы мой кофе, если бы я не заговорила о нём. По сути, для вас он мог бы и не существовать. Мои слова о нём — это то, что открывает его для вашего восприятия, что даёт ему возможность войти в ваше сознание. Такой была правда. А если я вообще не говорю о своём кофе или рассказываю о чем-то другом, чтобы вы не заметили мою чашку, можно сказать, я скрываю её от вас. В итоге для древних греков:

- * Правда существовала только в языке.
- * Язык существовал для того, чтобы показывать или прятать вещи от сознания людей.
- * Значит, правда делает вещи видимыми для сознания людей.

Сегодня мы считаем правду и ложь антонимами. Но они стали противоположностями после Платона. Для греков до Платона «правдивое и скрытое» и «точное и ложное» были безусловной парой противоположностей в языке. Именно письменность впервые выдвинула идею о том, что верное описание мира является функцией языка. Таким образом, произошло «смещение», и правда стала противоположностью лжи⁵.

Чтобы понять, как и почему это произошло, сначала нужно понять, что до появления и распространения письменности и грамотности люди использовали язык по-другому. В ранней греческой культуре люди говорили запоминающимися, шаблонными и повторяющимися фразами, чтобы информация легко усваивалась и запоминалась. Эта традиция не совсем потеряна для нас сегодня. Моя бабушка, выросшая в бедном и относительно неграмотном городке в сельской местности юго-восточного штата Южная Каролина в начале XX в., всё ещё сохраняла в своём разговорном репертуаре некоторые из языковых формул, имеющих форму таких поговорок, как «штопай дыру, пока невелика», «тише едешь — дальше будешь», «лучше синица в руке, чем журавль в небе», «не выплёскивай ребёнка вместе с водой» и т. д. Эпическая поэтическая традиция (например, поэмы *«Одиссея»* и *«Илиада»* Гомера) сохраняла древнюю мудрость и прописные истины: историю, обычаи, этику и социальные кодексы. Ахилл был не просто Ахиллом, а «храбрейшим Ахиллом», потому что воплощал само представление общества о храбрости. Одиссей был не просто Одиссеем, а «мудрым Одиссеем», потому что был воплощением сообразительности и житейской мудрости. Не только автор эпической поэмы, но и культура в целом были заинтересованы в повторении общепринятой мудрости и, по словам критика риторики Уолтера Дж. Онга, в том, чтобы «снова и снова произносить то, что изучалось в поте лица веками»⁶. В таком контексте было бы очень рискованно говорить что-то другое, играть с языком или вводить новшества, потому что терялись бы знания, которые кропотливо собирались от столетия к столетию. Это было бы равносильно уничтожению самой мысли или знания об Ахилле. Он стал бы просто ещё одним «неизвестным героем». Новые истории, конечно, можно было вплести в старые, но даже лучшие поэты не могли выразить всё нужное сразу. Устное творчество копило истории разумно, медленно и прежде всего с глубочайшим почтением.

Люди, не умеющие писать, совершенно по-другому воспринимали язык (в отличие от грамотных). Неграмотные слушатели сопереживали рассказывающим и эмоционально присутствовали в истории. Чувство единения, рождённое общим восприятием звука, возникало у говорящих и слушающих. Звук исходит из тела одного человека и входит в тело другого; сознания говорящих и слушающих вовлечены в общий физический речевой акт. Следовательно, слова обладали огромной властью над аудиторией. Как описывает Онг, в устных культурах, где слова существуют исключительно как звуки, «без всякой опоры на какой-либо визуально воспринимаемый текст и без осознания даже возможности существования такого текста, восприятие речи глубоко проникает в человеческое ощущение реальности»⁷.

До повсеместного распространения грамотности слушатели были заворожены магией поэтического языка, и слушание таких поэтов, как Гомер, вводило людей в состояние почти транса. Это было «полное погружение в эмоциональное и телесное сопереживание»⁸.

*Слушатели Гомера,
примерно 700 лет
до н. э.*⁹

Это было похоже на сексуальное возбуждение или физическое влечение. Грань между сексуальной стимуляцией и эйфорией от слов была очень тонкой для древних людей.

Поэзии было крайне важно оказывать такое физическое воздействие на слушателей, потому что она отвечала за сохранение всей культуры: её законов, обычаев и истории. Работа языка заключалась в том, чтобы околдовывать людей. Общество строилось на этом. Правда должна быть прямой и напористой.

Появление письменности резко изменило ситуацию. Хотя люди в Греции знали о письме уже несколько сотен лет и примерно с VIII в. до н. э. в стране было несколько грамотных писцов, не так много людей умели читать и писать до V в. до н. э., когда быстрое процветание Афин привело к стремительному распространению грамотности. Ко времени жизни и творчества Платона в конце V — начале IV в. грамотность и письмо прочно вошли в употребление. Грамотность изменила отношение людей к языку, а значит, к правде¹⁰.

С распространением письменности поэзия больше не несла тяжёлое бремя сохранения знаний целой культуры. Вместо того чтобы поддаваться чарам мерного и неторопливого стихотворного ритма поэм Гомера в исполнении профессионального сказителя, греки времён Платона умели читать их сами. Они могли абстрагироваться от устного исполнения и изучать не только то, что было сказано, но и то, как это было записано. Они могли оценить язык поэмы. Развернув папирусный свиток, они могли указать на конкретные строки поэмы, которые вызывали у них чувство умиления, и начать строить гипотезы о том, как и почему язык произвёл такой эффект. В двух словах это и есть риторика. Риторика родилась в то же время, когда появилось новое понимание правды. Она перестала действовать напористо и начала ронять носовые платочки, словно викторианская скромница.

Кажется вполне логичным, что письменность и грамотность заставляют людей думать о языке, а значит и правде, как

о способе описания и обозначения мира. В таких языках, как греческий, и других индоевропейских языках письменные символы визуально представляют устные звуки. Как только письменность получила широкое распространение, язык, который всегда жил исключительно в устной речи и произносимых звуках, стал восприниматься как знаковый и репрезентативный. Если до появления грамотности люди, возможно, интуитивно чувствовали, что язык относится к миру, то после распространения грамотности у них появилась чёткая теория, объясняющая, как язык связан с миром. Они придумали существительные для обозначения предметов и глаголы для обозначения действий. Но это было только начало. Как только язык начал соотноситься с восприятием мира, стало возможным думать о правде как о репрезентативной и символической. Благодаря письменности язык стал пониматься как визуализация звука. Письменность утвердила идею, что правда — это верное высказывание средствами языка. Случилась революция понимания правды.

С практической точки зрения это означает, что те повседневные идеи о правде, в которые мы по умолчанию верим, не являются естественными или врождёнными. Скорее они исторически развивались в ответ на новое понимание языка. И это не произошло само по себе. Отнюдь! Эта новая модель правды — та самая модель, которую мы носим в себе сегодня, — возникла потому, что Платон буквально изобрёл её. И хотите верьте, хотите нет, он сделал это по явно политическим причинам.

ПРАВДА ИЛИ ПОБЕДА?

Именно Платон изобрёл новое понимание языка как представления о мире, а не как способа сделать что-то «видимым» для восприятия человека, чтобы его можно было воспри-

нять¹¹. Как Платон это сделал — длинная история (и тема для гораздо более толстой книги!¹²). Важнее всего для нас, почему он это сделал.

Платону пришлось выработать новое понимание языка и правды из-за политики его времени или, точнее, времени его учителя Сократа, поскольку большинство диалогов Платона происходит во время войны со Спартой или в её преддверии. Платон считал, что проблема с неоднозначностью правды в условиях запутанной политики войны была порождена группой богатых и влиятельных философов и преподавателей красноречия, называемых софистами. Снова и снова в диалогах Платона Сократ вступает в спор о правде с софистами или их последователями.

Платон высказывает достаточно неелстных слов о софистах, поскольку, хотя они и не были уроженцами Афин, они пользовались огромным влиянием в городе-государстве. Сегодня о человеке, который использует красноречие, чтобы исказить истину в своих корыстных целях, мы скажем, что он *софист*. В V в. до н. э. им обозначали бродячих интеллектуалов, которые приезжали в Афины из разных уголков эллинистического мира, из Малой Азии (современная Турция), Сицилии, Апеннинского полуострова и зарабатывали на жизнь словами. Они сколачивали целые состояния, произнося речи и обучая других убедительно высказываться на темы, в которых они разбирались или ничего не смыслили. В своих речах они поражали афинян новизной стиля и способностью убедить почти любого человека практически в чём угодно. Некоторые из самых выдающихся граждан Афин, уважаемый военачальник Перикл, богатейший человек Греции Каллий, государственный деятель Алкивиад, платили за уроки, чтобы стать такими же убедительными, как софисты, выступая на собрании. Это дало софистам возможность войти в афинскую политику, но их политическое влияние

не пошло на пользу жителям города. Скорее конечной целью софистов было использовать афинскую политику в интересах своих родных городов. И всё в преддверии войны.

Если бы вы спросили софистов, кто они такие и чем занимаются, они бы ответили, что являются философами международного уровня и преподавателями искусства речи. Они также могли бы сказать, что обучали своих последователей общественным добродетелям или тому, как быть порядочным гражданином, что включало в себя базовое и важнейшее умение хорошо говорить. Но если бы вы спросили выживших в войне афинян, кто больше всего виноват в падении Афин, то они не ответили бы, что Спарта. Они даже не сказали бы, что олигархи или приспешники, сотрудничавшие с тиранами. Почти все сходились во мнении, что в гибели Афин виноваты только софисты, поскольку именно они научили афинян убедительно доказывать то, что не соответствует действительности.

Софисты были чрезвычайно хороши в своём деле и весьма убедительны. Их речи, дошедшие до нас, показывают, насколько они были умными и насколько головоломными были их аргументы. Они приводили умелые доказательства в защиту того, во что согласно здравому смыслу нельзя верить¹³. Например, софист по имени Горгий убедительно доказал, что ничего в мире не существует. А софист по имени Протагор утверждал, что противоречие одновременно и невозможно, и неизбежно, причём его доказательства, что весьма примечательно, не противоречили друг другу¹⁴! Итак, они были умны — именно поэтому их и называли софистами. Это слово означает «мудрец» (или, возможно, более точно, «знаток»). Платон использовал этот термин как обратный комплимент, подобно ситуациям, когда члены моей семьи называют меня «эрудиткой» или «интеллектуалкой», — они не имеют в виду ничего хорошего.